

УДК 2-1
ББК 86.2
Ш34

VERFLUCHTE GÖTTER.
DIE GESCHICHTE DER BLASPHEMIE

Gerd Schwerhoff

Originally published as
“Verfluchte Götter. Die Geschichte der Blasphemie”

© 2021 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main

Ш34

Шверхофф, Герд.

Оскорбление Бога. Всеобщая история богохульства от пророка Моисея до Шарли Эбдо / Герд Шверхофф ; [перевод с немецкого И. В. Печенина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Религия. Война за Бога).

ISBN 978-5-04-173674-3

Историк Герд Шверхофф объясняет, почему люди оскорбляют Бога, пророков и святых уже более 2000 лет. Тех, кто «там, наверху», почти всегда ругают те, кто «тут, внизу». Речь идет о бессилии и гневе против власть имущих, против, казалось бы, безразличного Бога или против других религий.

Уверенно рассказанная история от Античности (с иудаизмом и ранним христианством) через Средние века и раннее Новое время (с инквизицией, ересью и Реформацией) к Просвещению и нынешним противостояниям в зоне напряженности между христианством, секуляризмом и исламом.

УДК 2-1
ББК 86.2

ISBN 978-5-04-173674-3

© Печенин И.В., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
История и истории богохульства	7
Богохульство как оскорбление	10
Что такое оскорбление?	12
Замещение	15
Богохульство как ярлык	17
Богохульство и насилие	20
ДРЕВНИЙ ФУНДАМЕНТ	23
1. Ревнивый Бог	23
2. Богохульство в политеизме	32
3. Вражда богов	43
Иудаизм	43
Культ властителя	50
Христианство	52
4. Христианство у власти	58
Исключение «других» из общества	59
Юстиниан и рождение преступления	69
СПОР МЕЖДУ ДЕТЬМИ АВРААМА	77
5. Евреи — богохульный народ?	77
6. Мусульмане: хула на пророка	96
СРЕДНИЕ ВЕКА: ЭПОХА ГРЕХОВ ЯЗЫКА	107
7. Оскорбление Бога как грех и преступление	107
8. Богохульство как социальная практика	133
Что такое богохульство?	133
Социальный сценарий: кем были богохульники?	154
9. Богохульные еретики — еретические богохульники	176

РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: БОГОХУЛЬСТВО В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛЕМИКЕ	187
10. Дисциплинировать «своих»	187
11. Стигматизация «других»	209
12. Изображение и богохульство	229
13. Непристойность и богохульство	240
ОСПОРЕННОЕ БОГОХУЛЬСТВО	247
14. Изменение формы в эпоху Просвещения	247
Религия, разум и закон	248
Германия: просвещенная дискуссия	252
Великобритания: постепенно сдвигая границы	267
Франция: скандальная история	280
15. Репрессии и скандалы в начале современной эпохи	289
Франция: радикальный антиклерикализм	290
Великобритания: богохульство как политическое оружие	299
Германия I: искусство и политика в империи	312
Германия II: святые чувства в Веймаре	326
16. До 1989 года: арьергард против духа времени?	338
В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ БОГОХУЛЬСТВА	355
17. Глобальные конфликты под знаком богохульства	355
1989: «Сатанинские стихи»	355
2004: убийство в Нидерландах	373
2005: изображения пророка	377
2015: смертоносные карикатуры	389
18. Религиозная нетерпимость и политические репрессии	401
Обвинения в богохульстве как инструмент угнетения	401
2012: панк-молебен в Москве	412
19. Западная реакция и размышления	413
ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ	427
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	446
БЛАГОДАРНОСТИ	453

ВВЕДЕНИЕ

Если оглянуться назад, дата 14 февраля 1989 года знаменует собой важный переломный момент в новейшей истории. В этот день духовный лидер Ирана аятолла Хомейни вынес смертный приговор Салману Рушди и всем, кто поддерживает его. Никто не должен впредь относиться к святыням мусульман столь оскорбительно, как это сделал автор романа «Сатанинские стихи»¹. Новость облетела весь мир, воодушевила сторонников аятоллы и возмутила его противников. Тем не менее тогда вряд ли кто-то счел приговор старика с длинной бородой эпохальным; скорее это казалось прихотливой арабской в мировой истории. Вскоре взоры всего мира обратились к захватывающим дух политическим переменам в Восточной Европе. Они стали отчетливо проявляться в Польше и Венгрии еще в начале года, а 9 ноября с падением стены между Восточной и Западной Германией достигли своего апогея. Уже летом этого судьбоносного года американский политолог Фрэнсис Фукуяма провозгласил «Конец истории» и окончательную победу либеральной демократии и рыночной экономики². В краткосрочной перспективе он мог с полным основанием утверждать, что его пророчество подтвердилось, учитывая неожиданную ситуацию конца противостояния Востока и Запада. Однако вскоре его прогноз оказался серьезной ошибкой.

Несколько лет спустя бывший учитель Фукуямы Сэмюэл Ф. Хантингтон возразил ему не менее ошеломляющим тезисом о «столкновении культур». Для него причиной этого столкновения цивилизаций был конфликт культурных и религиозных идентичностей, а не старое идеологическое противостояние между капитализмом и коммунизмом. Прежде всего, в центр дебатов выдвинулся контраст между «этим» западным миром и «тем» исламом. 11 сентября 2001 года падающие башни Всемирного торгового центра

в Нью-Йорке стали зловещим символом глобального конфликта культур. Но в зачаточном состоянии предзнаменованной новой, далеко не славной эпохи было обвинение Рушди в богохульстве. Мотив богохульства оставался в центре предполагаемого конфликта культур Запада и Востока в течение нескольких последующих десятилетий. Конфронтация стала еще более драматичной: от карикатур на Мухаммеда в 2005 году до ужасного покушения на редакцию французского сатирического журнала «Charlie Hebdo», совершенного двумя исламистами 7 января 2015 года.

Богохульство — тема «позавчерашнего дня» — снова быстро стала очень актуальной, ее даже можно считать типичной чертой современности. Еще несколько десятилетий назад эта тема обсуждалась в основном в научных кабинетах. Обществу тогда казалось, что она касается лишь маргинальных действий нескольких неисправимых традиционалистов. Правовые положения о защите религии, такие как, к примеру, параграф 166 Уголовного кодекса Германии, были полузабыты. В ходе дела Рушди в западной культуре, находящейся под влиянием христианства, разгорелась дискуссия. Многие наблюдатели видели в богохульстве своего рода призрак из стародавней эпохи, зомби, которого нужно окончательно прикончить несколькими мощными ударами просвещенного огненного меча. Но в разгоравшихся дебатах возможность богохульных речей и действий чаще всего рассматривалась как подлинно современное явление, плод секуляризации и либерализма. «Когда христианство было еще большим и сильным, — утверждал философ религии Кристоф Тюрке, — насмешка над религией значила не меньше, чем сопротивление высшей истине, — и потому казалась чрезвычайно предосудительной, будучи совершенно невыносимым и губительным поступком». Все изменилось с эпохой Просвещения. Они не тождественны, но «Просвещение иногда выглядит сходным с богохульством до степени смешения. Когда дело доходит до цели, насмешка проникает глубже, чем любая другая форма критики». Или, другими словами: «Прозрение, которое хоть чего-то стоит, ранит; подчас оно не может не оскор-

бить религиозных чувств»³. Но для мусульман, допуская философ, кощунственные насмешки, возможно, выглядят навязанными западным импортом, который, исходя из их представлений, трудно отличить от империализма и колониализма⁴.

Текст Тюрке о «богохульстве» появился через несколько лет после дела Рушди. Это было началом серии эссе о «религиозном повороте», который, в свою очередь, можно рассматривать как показатель нового значения религии в публичном дискурсе. С тех пор во всем мире, как в академических, так и в журналистских кругах, заговорили о возрождении религий. Это проявилось в ставшем расхожим выражении «возвращение богов» (Ф. В. Граф). На этом фоне тот факт, что богохульство вернулось в фокус общественного внимания, уже не кажется столь необъяснимым. Обе стороны — повышенная чувствительность приверженцев религии и дебаты о культурной идентичности — только усиливали друг друга. Христианские голоса, призывающие к защите от богохульства, снова стали более отчетливыми.

Становится очевидным, что богохульство представляет собой не рядовое явление, а нечто большее. Каждый, кто обсуждает богохульство, также обсуждает центральные проблемы современности: вопросы религиозной и культурной идентичности, а также свободы мнений и толерантности. Во всех этих дебатах присутствует история — иногда открыто, иногда на заднем плане, — часто как темный фон, благодаря которому освещенное лучше видно на сцене. Даже этого достаточно, чтобы ближе познакомиться с историей. Оглядываясь назад, мы получим понимание, которое повседневность нам не даст. С помощью прошлого можно лучше понять и настоящее.

История и истории богохульства

На сегодняшний день существует ряд исторических работ о богохульстве, и их число в связи с недавними событиями значительно увеличилось⁵. Без этой подготовительной

работы данная книга была бы невозможна. Но вряд ли одна из них может действительно удовлетворить нас. Несмотря на многообещающий заголовок, многие ограничиваются только небольшим временным отрезком. Существует также проблема определения предмета изучения с точки зрения терминологии и содержания. Во многих случаях речь идет, скорее, об истории ересей или политических репрессий, свободы слова и толерантности. В этих случаях авторы связывают свои книги с просветительской задачей, например с защитой либерального общества от угнетения и нетерпимости. В этом нет ничего плохого до тех пор, пока современные категории и ценности не переносятся вспять, в те эпохи, когда они даже не были еще известны. Когда это происходит, понимание прошлого, как правило, затруднительно. То, что раньше называлось богохульством, сегодня нам часто неясно. Только когда мы приложим усилия, чтобы понять инаковость этих эпох, мы постигнем, какие исторические изменения произошли к нашему времени; впрочем, это не исключает параллелей между той эпохой и нынешней и не отвергает уроков, которые можно извлечь из истории для межкультурного диалога. По этим причинам я придерживаюсь модели холодного, максимально отстраненного анализа «горячей» темы богохульства. В любом случае оценочные суждения вряд ли могут быть «выведены» непосредственно из исторических свидетельств, они оставлены на личное усмотрение. Сам я, в случае сомнений, всегда отдаю предпочтение свободе выражения мнений, а не защите личных или коллективных чувств. Уголовные законы — неподходящее средство для защиты религиозных чувств⁶. Именно поэтому я попытался проследить мотивы тех людей, которые относились и относятся к религии по-разному.

Отстраненный подход к теме богохульства обещает любознательным читателям не только развлечение, но и получение знаний за пределами укоренившихся представлений. Потому что предстоит познакомиться не только с печальными судьбами, как, например, с делами моло-

дого шевалье де Ла Барра в 1766 году или писателя Оскара Паниццы, осужденного судом в конце XIX века. Можно удивляться грубым богохульствам Джеймса Тейлора в 1675 году или французской поэзии того века, когда порой религия и сексуальность приводили, казалось бы, к кощунственному сочетанию. Реакция социальной среды и властей на кощунственные речи выглядит не менее показательной. Наконец, противоречивые дебаты о природе и уголовной ответственности за богохульство также дают глубокое представление о мышлении соответствующей эпохи.

Если ориентироваться на богохульные практики и их оценку современниками, а не, как обычно, на веру и благочестие, то религиозность людей эпохи премодерна предстает в непривычном свете. В этот период мы сталкиваемся с кощунственным поведением на каждом шагу. Это никоим образом не указывает на отдаление от Бога, скорее наоборот. Потому что христианство, похоже, было другим, было «великим и сильным» (согласно Кристофу Тюрке), в отличие от сегодняшнего дня.

Голландский медиевист Йохан Хейзинга уяснил это около ста лет назад в своем большом труде «Осень Средневековья». Ответственность за богохульства он прямо возложил на вездесущую религиозность людей той эпохи:

«Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным»⁷.

Хейзинга очень хорошо описал поведение некоего старого мальтийского рыбака по имени Джованни, который придерживался таких взглядов уже в XVIII веке: он постился каждый понедельник, среду и субботу и начинал свой день с обращения к Деве Марии, святым и душам, находящимся в чистилище, с просьбой о помощи. Но он не побоялся бы проклясть Бога, если бы не поймал в свои сети достаточно

рыбы⁸. Всякий, кто поддерживает фамильярные отношения с Богом и святыми, легко переходит границу мирского. Вопреки другому распространенному клише, такое фамильярное обхождение далеко не всегда сопровождалось смертным приговором или пожизненным заключением. Оно, несомненно, представляло реальную опасность, но также была широко распространена культура прощения и смягчения наказаний, а также игнорирования и неведения. В нашем путешествии во времени и пространстве мы столкнемся с огромным разнообразием действующих лиц: мы встретим фанатиков и пуристов, но также и ученых-насмешников, и азартных игроков.

Богохульство как оскорбление

Богохульство можно определить как очернение и умаление священного. Таким образом, в нашем рассказе в центре внимания будут оскорбительные речи и их оценка современниками⁹. Этот подход может показаться столь же простым, сколь и самоочевидным, но он ни в коем случае таковым не является. Часто ученые сетуют на проблемы с терминологией и уклоняются от четкого определения, либо же богохульство трактуется, прежде всего, как «выражение мнения»¹⁰. Столь же ошибочно рассматривать выражение мнения как оскорбление и клеймить его как кощунственное. Богохульство — это прежде всего особый вариант языкового и символического унижения, которую современные исследователи пытаются уловить с помощью понятия «инвективность»¹¹. Такое понимание еще раз подчеркивает актуальность данной темы. Ведь оскорбления и святотатство, разжигание ненависти и языковая дискриминация в настоящее время кажутся визитной карточкой нового тысячелетия, предполагаемое столкновение культур является лишь одним аспектом среди многих других.

Деятели-популисты, такие как Дональд Трамп, чрезвычайно успешно использовали стратегию систематического унижения, чтобы заклеить оппонентов

и мобилизовать своих сторонников. Часто кажется, что международную политику нужно характеризовать как громогласное указание на врагов, а не как сдержанную дипломатию. Предельно клеветническими кампаниями отмечены почти все недавние кризисы, от финансового и долгового кризисов до Брекзита. Унизительные стереотипы и радикальный расизм повсеместно присутствуют в дискуссиях и действиях, связанных с темой «высылки и миграции». Конъюнктура разжигания ненависти и выливания помоев, в основном, связана с новыми цифровыми формами общения, особенно в социальных сетях. Везде есть злоупотребления, но везде эти злоупотребления и критикуются. С повсеместным распространением грубого и унизительного языка чувствительность к нему, кажется, растет. В публичной сфере наблюдается большая чувствительность к языковой девальвации и исключению из общества людей по признаку пола, происхождения или других (приписываемых им) характеристик. Эта чувствительность, в свою очередь, вызывает критику, направленную против политкорректности, якобы основанной на идеологии. В этом контексте, который здесь лишь слабо намечен, оскорбление Бога и унижение сакрального представляются куда менее экзотичными, чем это кажется на первый взгляд¹².

Каким бы простым ни было первоначальное определение богохульства, невозможно получить действительно точное представление о том, какое именно «священное» унижается — адресаты богохульства слишком сильно различаются во времени и пространстве. Речь может идти о личном оскорблении Бога или конкретных святых, но также о пренебрежительном отношении к священным изображениям, предметам или символам. Говоря в абстрактных терминах, адресаты оскорблений, по-видимому, находятся в сфере трансцендентного, за пределами тех мест человеческого обитания, где обычные смертные обыкновенно обмениваются оскорблениями. В этом смысле в богохульстве есть момент притязания на распоряжение тем, чем невозможно распоряжаться, или, точнее, намек на такое притязание¹³.

И наоборот, обвинение в богохульстве связано с обвинением в унижении достоинства чего-то или кого-то особенного. Таким образом, такое обвинение обычно является одновременно мерой, направленной на то, чтобы возвеличить священное, на которое посмели посягнуть. В спорах о богохульстве очевидно, что речь всегда идет о границе между сакральным и мирским. В полемике по поводу богохульства эта граница многократно устанавливается, определяется, а часто и сдвигается. Данная книга не в последнюю очередь посвящена именно этой теме.

Даже если религия до некоторой степени потеряла значение в современном западном мире, это никоим образом не означает, что очернение священного в более широком смысле должно потерять значение. Мы вернемся к этому вопросу в последней главе.

Что такое оскорбление?

Так что же именно означает понимать богохульство как оскорбление священного? Вообще, что такое оскорбление? В самом общем смысле оскорбление можно определить как ранение, наносимое людям словами, жестами или другими символическими действиями¹⁴. Это ранение не является физическим, оно не причиняет прямой телесной боли. Конечно, есть много крайних случаев: пощечина может быть очень болезненной физически, но во многих случаях символическое унижение, которое она вызывает, будет казаться более серьезным, чем физическая боль. Помимо физического тела, у человека, очевидно, есть и второе, общественно-символическое тело, которое можно ранить словами.

Однако это еще не говорит о том, как именно работают языковые травмы. Философия языка знакома с речевыми актами, с помощью которых не только совершают высказывание, например что-то описывают, но которыми можно что-то «сделать». В своих классических лекциях «How to do things with words» («Как совершать действия

при помощи слов») Джон Остин называет такие речевые акты перформативными. Примеры включают имянаречение («Я нарекаю тебя именем...») или заключение брака («Настоящим объявляю вас мужем и женой»). Здесь исполнение речевого акта лежит, так сказать, в нем самом; с помощью корректно высказанной формулы, произнесенной «правильным» человеком, совершается имянаречение или брак. Иначе обстоит дело с руганью, оскорблением или богохульством. Объявление типа «Настоящим я оскорбляю вас!», вероятно, вызвало бы веселье. Точно так же заявление типа «Я оскорбляю (или хулю) Бога!» вряд ли сработает сегодня¹⁵.

Таким образом, даже обычное ругательство не является словесным оружием в том смысле, что при соответствующем употреблении оно не ранит так, как нож или пистолет. Между говорящим и адресатом уже существует широкий диапазон возможных интерпретаций таких слов, например, из-за большого диапазона градаций (между «придурком» и «огромной задницей»^{*}). Но намерения «отправителя» также весьма разнообразны («Это не должно доходить до болевого порога!», «Меня не так поняли!», «Я не это имел в виду!»), и они сталкиваются с разной степенью чувствительности у адресата. Недвусмысленные, казалось бы, ругательства могут быстро потерять свой четкий смысл, грубое оскорбление вполне может послужить фамильярным обращением. И наоборот, замечания, которые кажутся внешне нейтральными, могут таить в себе тонкий, но все же эффективный ранящий потенциал, если они содержат неуважение или намеки на что-то постыдное. Таким образом, однозначность оскорбительной ситуации при ближайшем рассмотрении быстро теряется.

^{*} У автора в тексте *Halbdackel*, дословно «полутакса». Такса в Вюртемберге и Швабии считалась глупой собакой, и это выражение означает «глупее, чем такса». В немецком языке с XVIII века появилось множество производных уничижительных ругательств: *Dackelig*, *Grassdackel*, *Dachshund* (*прим. пер.*).

Здесь становится очевидным общее свойство человеческого общения: оно происходит, говоря социологическим языком, в условиях двойной контингентности. Это обычно становится ясным при использовании образа двух идеал-типических акторов (Ego и Alter) во взаимодействии лицом к лицу: на самом деле никакое действие и, следовательно, никакой социальный порядок не может возникнуть, «если Alter ставит его в зависимость от действий Ego, а Ego стремится связать свое поведение с Alter»¹⁶. Результатом был бы полный социальный паралич. Из-за этого два партнера вынуждены договариваться о смысле своего общения в процессе проб, в котором их ожидания, опыт, культурные горизонты постоянно корректируются. Только через этот процесс договоренностей вообще конституируется социальный мир. Эта модель позволяет правдоподобно оценить, насколько велики возможности интерпретации, особенно в случае предполагаемых оскорблений: они варьируются от оправдания («Это ты начал!») вплоть до отрицания оскорбления, от демонстративной обидчивости («Но ведь это действительно зашло слишком далеко!») до железного терпения, от скандала до иронии.

При этом модельное представление об Ego и Alter, которые общаются в своеобразном социальном вакууме, быстро достигает своего предела. Потому что, с одной стороны, соответствующие акторы — это не абстрактные люди, а мужчины и женщины, богатые и бедные, люди разного происхождения, принадлежащие к разным группам, чьи слова могут получить силу самыми разными путями. Не менее важно, что центральную роль играет соответствующий социальный и культурный контекст: показательным примером являются ритуальные соревнования молодых афроамериканцев в американских городах. В типичном тоне они пытаются превзойти друг друга вульгарными и причудливыми оскорблениями, которые в других контекстах были бы сочтены крайне расистскими¹⁷. С другой стороны, как это обычно бывает в коммуникативных ситуациях, в ругань и оскорбления обычно вовлечен третий: это может быть сторонник одного из двух общающихся

лиц, брань которых должна его воодушевить или деморализовать. Или же есть изначально нейтральная аудитория (что и придает ситуации общественный характер), которую впоследствии могут попытаться привлечь в союзники или даже в судьи. Эта аудитория не обязательно должна присутствовать физически, потому что оскорбления также могут распространяться опосредованно через письма, печатные тексты или электронные каналы связи и достигать большого количества различных людей. Таким образом, оскорбления могут быть полностью отделены от своего первоначального контекста и обрести собственную жизнь в другом контексте общения.

Уже здесь становится ясно, насколько эти наблюдения противоречат нашему повседневному пониманию словесного унижения. Мы склонны использовать намерения и мотивы говорящего в качестве решающего критерия для определения того, существует ли оскорбление вообще, насколько оно серьезно, какой ответ кажется уместным и т. д. Напротив, вышеприведенные соображения показывают, что интерпретация оскорбления зависит не столько от первоначального акта общения, сколько от последующих разговоров между многими возможными участниками и пострадавшими. Только эта «последующая коммуникация» решает, имело ли место словесное или символическое унижение и как его следует оценивать¹⁸. В нынешнем политическом ландшафте признание актора в том, что он «совсем не это имел в виду», остается в значительной степени неэффективным, если влиятельные лица, формирующие общественное мнение, оценивают его как оскорбительное или общественное мнение указывает на это. Богохульство было и остается ярким примером такой ситуации.

Замещение

Недавно вышедшая обзорная работа о богохульстве уже в подзаголовке говорит об истории «воображаемого» преступления¹⁹. Этот ярлык вводит в заблуждение. Конечно, богохульство и словесные оскорбления всегда «вообража-

емы», так как они не причиняют видимых ран, но всегда зависят от восприятия пострадавших и социальной среды. Тем не менее это социальные факты, которые действуют весьма «реально». Не выдерживает критики и то очевидное возражение, что в случае богохульства жертва, т. е. Бог, в действительности не существует, во всяком случае не присутствует, и что он поэтому ни при каких обстоятельствах не может быть лично оскорблен. В течение тех долгих столетий, которые я характеризую в этой книге как классическую эпоху богохульства, присутствие Бога было весьма осязаемой реальностью для большинства людей. Определение богохульства очень ярко выражено в немецком термине *Gotteslästerung** — это поправление чести Бога.

Каким бы странным ни казался нам сегодня очеловеченный (антропоморфный) образ Бога, стоящий за этим определением, оно раскрыло огромный социальный потенциал. По представлениям людей того времени, Творцом движут вполне человеческие побуждения и чувства, и поэтому он с безудержным гневом реагирует на поругание его чести. И защищается он не только тем, что наказывает виновных (примеров тому в проповедях бесчисленное множество), но и угрожает навлечь на всю паству голод, войну и эпидемии, если они не примут строгих мер против богохульников. Здесь снова задействованы «третьи лица», но они отнюдь не бездействуют с самого начала, потому что коллективная угроза зла со стороны разгневанного Бога нависла над их головами как дамоклов меч. Это фактически приводит к четкому описанию ролей членов этого сообщества: свидетели богохульства должны разоблачать и давать показания, судьи должны выносить суровые приговоры и т. д. Однако наше изложение покажет, что эти третьи лица далеко не всегда следовали или даже обычно

* О возникновении расхождения между двумя немецкими терминами для богохульства — *Blasphemie* и *Gotteslästerung* (используемыми в этой книге как синонимы), которое в других языках не встречается, см. главу 7.